Ольга Карпович

Концептуально!

Часть сборника

Как я изменил свою жизнь к лучшему

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Родилась и выросла в Москве, окончила ВГИК, работала в кино и театре. С детских лет ее любимым занятием было наблюдать за людьми, подмечать особенности их характеров и пытаться оживить их на бумаге. Радость человеческого общения, разговоры по душам, случайно подмеченные сценки из жизни, знаковые встречи – все это лучшие вдохновители для творчества, высшая жизненная ценность, дарованная нам судьбой.

- Ольга Карпович
  - ○

Ольга Карпович
Концептуально!

– Как бы это выразить поточнее? Ну, чтобы вы меня поняли? Я хочу, чтобы картинка ожила, вы понимаете? – Глаза нашего нового знакомого, представившегося Артуром, вспыхнули жадным огнем.

Он решительно отодвинул кофейную чашку – кофе выплеснулся на скатерть, по белому полотну расползлось коричневое пятно.

– Это новый метод совершенно, я его сам придумал… Зрителю ничего не надо объяснять, он в итоге должен сам все понять. Это концептуально.

Официант, проходивший мимо нашего столика, услышав звучное слово, покосился на нашу компанию с интересом.

– Мне нужны неизвестные авторы, не раскрученные, не избалованные славой и деньгами… – продолжал Артур. – Тогда мы сможем сработаться и воплотить, так сказать, в жизнь мою идею. А она того стоит, можете мне поверить! Я все рассчитал до мелочей, я по образованию физик. Так что все споры относительно моей концепции отклоняются заранее, вы меня поняли?

На этих словах мы с Вероникой, прослушавшие с угрюмой покорностью монолог нашего работодателя, совершенно поникли. Мимолетный, но весьма красноречивый намек на «авторов, не избалованных славой и деньгами», говорил нам, профессиональным доработчикам и литературным рабам, лишь о том, что гонорар будет выплачен нескоро и составлять он будет, по всей видимости, небольшой процент от того, что мы себе намечтали, спеша на встречу с этим «новопроходцем от кинодраматургии».

Я, как всегда, не выдержала первой и спросила прямо в его глубоко посаженные немигающие глаза:

– Артур, мы с соавтором все поняли. Сколько вы планируете нам заплатить?

Артур, наш заказчик, весь как-то скукожился, стал еще уже в плечах, и лицо его совершенно утонуло в объемистой кепке, которую он, следуя киношной моде, натянул на свою плешивую голову. Он хитро прищурился и изрек:

– Эм-м… это уж сколько заслужите, как будете работать…

– Значит, так, – отрезала начинающая терять терпение Вероника. – Артур, вы обратились к профессиональным людям;

какие бы они ни были «неизвестные и непризнанные», они тем не менее хотят получать достойную, соответствующую своей деятельности оплату. Это не обсуждается. Мы тоже мыслим концептуально и споры относительно нашей концепции отклоняем заранее.

– Да, Артур, – приосанилась я, буквально кожей ощутив, как «головняковый» заказчик уплывает от нас, как стерлядь в бурлящей реке, срывается с крючка, и есть большая вероятность того, что уйдем мы отсюда несолоно хлебавши. А это значит, что плакали мои планы относительно оплаты кредита, что само по себе было просто ужасно…

– Артур, дорогой вы наш, – продолжила я гораздо более мягким и вкрадчивым голосом, – мы работаем в кино довольно-таки давно. Работаем в паре. Поэтому гонорары делим пополам. Вы понимаете? Не можем же мы голодать, ваяя ваш, несомненно, гениальный сценарий. Нам же еще семьи кормить надо, – трагическим голосом закончила я.

– Поэтому я из тысячи претендентов и выбрал вас, талантливые вы мои… – произнес Артур торжественным голосом, – за то, что вы такие непосредственные – не то что эти мастодонты от литературы! С ними ни о чем никогда нельзя договориться…

Артур презрительно скривился, как будто за каждым столиком этой дешевой кафешки сидело по литературному мастодонту, не желавшему иметь с Артуром никаких дел.

– Ваш проект, – продолжала заискивать я, одним глазом косясь на покрасневшую от негодования Веронику, – ваш проект, безусловно, нас очень заинтересовал. Вы абсолютно правы: это новое слово на нашем сериальном поприще… этого еще никто не снимал – подумать только, 12 серий с главным героем-слепым… это что-то!!! Но и вы поймите нас, Артур, мы работаем прекрасно, материал выдаем без задержек. К сожалению, мы не можем похвастаться теми работами, которые были сняты по нашим сценариям…

– Да, и не можем сказать – по условиям контрактов – чьи фамилии там стоят вместо наших, – вставила свое слово Вероника.

– Но поверьте: это хорошие работы, тем более что развернутый синопсис к экранизации этой пьесы, вашего детища, мы уже вам выслали, и он, как вы говорите, вам понравился, – продолжала умасливать заказчика я.

– И заметьте: мы сделали эту работу абсолютно бесплатно, – не осталась в стороне Вероника, так как финансовая часть вопроса волновала ее не меньше, чем меня.

Этот диалог трех купцов на арабском базаре, самая натуральная торговля, продолжался еще примерно час.

Надо сказать, мы с Вероникой порядком притомились: она, как натура более жизнестойкая, еще боролась за свое право на гонорар, я же не хотела уже ничего.

С деньгами у меня отношения всю жизнь не складывались.

Я никогда не могла удержать их, и сейчас, внутренне махнув и на предполагаемые три месяца работы, и на деньги, на которые так рассчитывала, хотела только одного.

Домой. К маме.

И давно, наверно, просящейся на улицу овчарке.

Те перипетии судьбы, которые занесли нас – профессиональную актрису, то бишь меня, и профессионального литератора Веронику, между прочим, окончившую Литинститут с красным дипломом, – этим промозглым вечером на встречу с мутным начинающим режиссером Артуром, который сам не знал, чего хотел, стоит описать отдельно.

Описать, как я, к примеру, решила вновь заняться своими умозаключениями на бумаге, и каким непостижимым образом одно из крупнейших издательств купило мой роман, и как потом я познакомились с Вероникой. И как эта достославная встреча нам обоим существенно улучшила жизнь.

К тому времени я забросила идею театра и не хотела попадаться в эту ловушку больше ни за что и никогда, поэтому, по сути, была безработной. Но глаза мои горели волчьим огнем, ибо море кредитов бушевало за моей спиной, а в кино меня снимали не так часто, как бы того хотелось. Поэтому-то я и решила стать сценарным рабом, отправляя свои рецензии, аннотации, синопсисы повсюду, куда только можно. Купленный издательством роман служил мне достойным резюме.

Однако задирать нос я ни в коем случае не могла, ибо роман был куплен, но не издан. Забегая вперед, скажу, что в первозданном виде он так и не увидел свет.

Но не о том речь.

Итак, в эти смутные дни я познакомилась с Вероникой на одном из сайтов, где заседают и вечно грызутся режиссеры, сценаристы и прочие непризнанные гении пера. Мы с ней встретились в реале, съели две коробки пиццы и остались вполне довольны друг другом. Договорились, что в сценарной поденщине мы теперь подельники, и поклялись поддерживать огонь в братских (точнее, сестринских) сердцах друга друга вечно.

Вероника мне понравилась – умная, резкая, глубоко

образованная девушка – это меня особенно пленило, ибо я была и остаюсь самоучкой, имея всего лишь официальное актерское образование. А в киношной среде ремеслу сценариста можно выучиться лишь исподволь, тихой сапой, наблюдая за людьми и почитывая опусы первокурсников со сценарных и режиссерских факультетов.

Вероника была решительно настроена на сотрудничество и на благородный и честный отъем бабла у жаждущих написать шедевр, но не знающих как это сделать графоманов.

Наша встреча с Артуром была предрешена.

Он, как и многие из его племени, заседал ночами на тематических «сценарных сайтах», где и был пойман в наши сети.

И этим вечером мы обе явились на встречу, чтобы заполучить аванс и в прекрасном настроении отправиться домой, так как время было позднее, все магазины, куда можно было бы зайти и спустить деньжата, на наше счастье, уже были закрыты.

Однако в своих чаяньях мы жестоко ошиблись, говоря современным русским языком – обломались, как две последние наивные салаги литературного фронта.

Артур оказался простым пескарем, а вовсе не жирной вкусной стерлядью, чье мясо так ценится гурманами. Именно пескарем – пронырливым, ушлым и необыкновенно прижимистым.

Вымотанные бессмысленной беседой донельзя, мы с Вероникой все же следовали нашему негласному правилу – не упускать ни одного будущего гения режиссуры без аванса. Взяв пескаря за жабры, мы таки выудили из него жалких тридцать тысяч аванса, про себя одновременно подумав, что ни строчки не напишем свыше этой суммы и что выуженные деньжата являются гонораром за развернутый на двадцати страницах синопсис, не более. Синопсис сценария являл собой, на наш взгляд, маниакальный бред, который мы вынуждены были расписать посерийно, расчленив прекрасную пьесу американского драматурга на части.

Долго еще разнообразные эпитеты слетали с наших губ, долго мы давились гомерическим хохотом, вспоминая, как мы писали эту муть, буквально скрючиваясь от смеха на каждой фразе…

Дело в том, что молодой гений Артур, не имеющий ни режиссерского, ни сценарного образования, решил присвоить себе авторство давно нашумевшей и ставшей классикой пьесы Леонардо Герша «Эти свободные бабочки». На полном серьезе Артур утверждал, что эту драматическую историю придумал он и ему лично она кажется гениальной.

Мы с Вероникой тогда, в нашу самую первую встречу, чуть не упали со стульев, узнав, что конкретно нам придется переделывать, но наша общая с ней бедность сделала свое коварное дело: покраснев, мы обе промолчали, скромно потупив взоры, стараясь не глядеть друг на друга.

Итак, любезный друг Артур вознамерился распатронить замечательную пьесу аж на двенадцать серий телевизионного «мыла». До этого я и в страшном сне не могла себе представить главного героя – слепого, который постоянно маячит в кадре и с которым, по замыслу Артура, ничего – ровным счетом ничего! – не происходит.

Мало того, хеппи-энд также не был заложен в будущий сценарий нашим работодателем. То есть главный герой, промаявшись вместе со зрителем двенадцать серий, так и остается ни с чем – чуда с ним не происходит и он все так же слеп.

Именно в тот момент мы с Вероникой поняли, что деньги пахнут, и пахнут они иногда наглой бездарностью…

Тем не менее ничего нельзя было поделать с упрямо прущим к своей цели Артуром. На той встрече, когда нам таки удалось выудить у него аванс, Артур пламенно уверял нас, что нашу с ним концепцию приняли нужные люди с Первого канала и, соответственно, сериал будет запущен, как только выделят финансирование.

Вот тут-то у нас начались ночные кошмары.

К Веронике являлся сам Леонардо Герш и скорбно молчал, стоя у изголовья ее кровати, я же видела во сне одну и ту же картинку, прокручивая ее на все лады (этот эпизод был по настоянию самого Артура заложен в сценарий, песенку же я вытащила из глубин подсознания): главный герой, похожий на кота Базилио, идет нетвердой походкой по узкому проходу дребезжащего вагона электрички и томно наигрывает на скрипочке мелодию из старого мультфильма:

– Наш Бобби с рожденья пай-мальчиком был… Имел Бобби хобби – он деньги копил…

На этом моменте я вскрикивала, просыпалась и шла на кухню: успокаивать нервы, курить и смотреть в окно.

Вдохновленные туманными посулами Артура и заверениями, что Первый канал вот-вот выделит ему деньги за первые четыре серии его детища, мы приступили к работе.

Каждое утро я приезжала к Веронике, она к тому времени успевала уже отвести сына в детский сад, и вся ее однокомнатная квартира была в нашем распоряжении.

Начинали мы с просмотра почты. За ночь Артур успевал разродиться ворохом «гениальных идей» по улучшению своего творения, приданию ему еще большей глубины и возвышенности.

– Ну, что он там еще выдумал? – удрученно вопрошала я.

– Сейчас, – Вероника лихо барабанила по клавиатуре. – Ага. Вот: «Пусть Настя работает стриптизершей, но выделяется из череды коллег».

– Настя – это у нас кто? – томно прикрывала глаза я. – Это любовница отца?

– Нет, любовница – Надя. А Настя – это будущая любовь нашего главного героя. Смотри, что он дальше о ней пишет: «Она выделяется из череды коллег. Она умная и не глупая», – Вероника наставительно подняла палец. – «Умная и не глупая», понимаешь? Может, намекнем ему, что это синонимы?

– Бесполезно, – вздыхала я. – Он не знает, что такое синонимы. Еще обидится!

Через пару часов дело начинало двигаться живее.

– Итак, ваяем сцену объяснения с отцом! – объявляла Вероника. – Значит, я пишу: «Входит отец Влада, он несет в руках картину с обнаженной женщиной».

– Погоди, откуда взялась картина? – восклицала я.

– Это Артур вписал в наш последний вариант, – поясняла Вероника. – Отец, говорит, должен подарить сыну картину, которую написал сам. А на картине пусть будет голая баба. Он это особенно подчеркнул, понимаешь? Ну что еще может подарить отец сыну, которого не видел двадцать лет? Только картину с голой бабой!

– Ну ты и язва! И мы по-прежнему не забываем, что сын – слепой! – подхватывала я. – Да, это тонкий момент. Папаша-то шутник, похоже!

– Ладно, давай работать, – отсмеявшись, изрекала Вероника. – Значит, так, далее: «Здравствуй, сынок! Прости, что не писал тебе».

– А то бы ты непременно прочел, – весело замечала я.

Некоторое время работа двигалась легко и непринужденно, затем мы снова наталкивались на очередное измышление Артура.

– Входит Надя, – диктовала самой себе Вероника. – Тут вот Артур нам пишет, что Надя не любит своего любовника – отца Влада, а просто использует.

– Использует? – возмущалась я. – Как она может его использовать, он ведь у нас продавец в овощной палатке?

– Ну не знаю… может, она капусту бесплатно жрет у него в подсобке, – бодро изрекала Вероника. – Кушать ей очень хочется. Мне, кстати, тоже, так что давай не отвлекаться, будем надеяться,

что наш плагиатор при следующей встрече нам заплатит.

В конце концов мы добирались-таки до финальной сцены очередной серии.

«Герои забегают в самолет», – печатала Вероника.

– Откуда взялся самолет? – стонала я. – Случайно стоял в кустах?

– Артур пишет, что в этом нет ничего удивительного, – пожимала плечами Вероника. – Что «Яки» списывали тысячами, и только ленивый, мол, не обзавелся собственным самолетом. Кстати, вот тут он пишет, что у него и самого есть собственный самолет.

– Что-о? – возмущенно вскрикивала я. – У него есть самолет? Собственный? Чего же тогда он нам мозги парит и денег не платит? Да и встречи назначает в каких-то тошниловках? У меня от десерта, которым он нас кормил в последний раз, до сих пор изжога.

– Экономный, наверное, – предполагала Вероника. – Итак, «Влад садится за штурвал и поднимает самолет в воздух». Постой-постой! Но как, как он управляет самолетом?! У него же, я извиняюсь, проблемы со зрением! Небольшие такие проблемы – он абсолютно слепой!

– Может, мы чего-то не поняли? Может, он не совсем слепой, а…

– Наполовину? – едко замечала Вероника.

– Угу. Одноглазый!

– Одноухий, блин! – подводила итог Вероника. – Боже, какой маразм!

В это время обычно начинал названивать Артур: клялся, что звонит с «Мосфильма», что уже беседовал сегодня с предполагаемым продюсером картины, что деньги будут вот-вот…

– Артур, – устало бросала я. – Вы не могли бы немного повнимательнее вносить свои правки в уже написанные нами сцены? В вашем вчерашнем варианте герой говорит девушке: «Я своими глазами видел, как ты целовалась с другим». Понимаете, он ведь у вас м-м… незрячий. Зритель решит, что вы над ним издеваетесь.

– Ну, я подумал, что это прозвучит просто как фигура речи… – мямлил Артур.

– Артур, – выхватывала трубку Вероника. – Вы мне объясните: у нас там героиня крутит роман одновременно с двумя мужчинами, притом обоих зовут Костями. Это зачем? Какой-то новый стилистический прием?

– Именно так, – важно заявлял Артур. – Это должно символизировать, что героиня все время тянется к одинаковому типажу мужчин. Все, в кого она влюбляется, либо полные идиоты, либо Кости.

– А-аа, – тянула Вероника. – Прямо моя жизнь!

Так или иначе, хохоча, ругаясь, плюясь, матерясь и посылая истошные жалобы жестокой судьбе, мы с грехом пополам накропали первые две серии, кое-как обстряпав все неувязки в предлагаемом Артуром сюжете.

Наступил «день Х» – день, когда мы должны были сдать Артуру нашу работу и получить наконец деньги за труд.

На этот раз Артур назначил нам встречу почему-то на Чистопрудном бульваре. В воздухе ощутимо пахло осенью, между деревьями серело влажное небо, начинал накрапывать дождь. Сквозь мокрую пелену голубые и желтые здания в лепнине выглядели размыто, как на полотнах импрессионистов.

Зеркальная поверхность пруда подернулась рябью…

– Чего это нашему мальчику захотелось свежего воздуха? – настороженно спросила Вероника, пока мы шли к назначенному месту встречи.

– Может, забегаловки надоели? Объелся за последние полтора месяца пережаренной картошкой фри? – предположила я. – Или на романтику потянуло. «Золотая осень в Москве», холст, масло.

– Лично я предпочитаю хлеб и масло, – отрезала Вероника. – Ох, не нравится мне это все…

Артур поднялся нам навстречу со скамейки. Вид он имел встрепанный и измученный. Лицо осунулось, покрасневшие глаза пылали голодным огнем, кепка вымокла под дождем, козырек ее печально обвис.

– Добрый день, – начал мямлить он, поравнявшись с нами. – Прежде всего я хотел бы вас поблагодарить за сотрудничество. Мне было очень приятно работать с вами, сразу чувствуются люди, не чуждые искусству, имеющие свой собственный взгляд на современный кинематограф…

– Начинается, – тихо хмыкнула Вероника.

– Артур, нам тоже понравилось работать с вами, – любезно улыбнулась я. – И будет еще приятней, если мы снимем наш финансовый вопрос.

– В этом как раз и загвоздка, – не глядя мне в глаза, забормотал Артур. – Дело в том, что эти люди… Митрофанов, он же читал мою заявку, он сказал, что это гениально, новое слово в сценарном мастерстве! Обещал, что сведет меня с нужными людьми на «Мосфильме»…

– Погодите, – прервала его Вероника. – Так у вас нет на руках никакого подписанного договора? Вы же говорили, что проект принят к разработке, что бюджет практически выделен…

– Я говорил, но… Мне не хотелось, чтобы вы нервничали, отвлекались на организационные вопросы. Хотел, чтобы вы занимались только творчеством…

– Не продолжайте! – остановила его Вероника. – Все ясно!

Едва сдерживая ярость, она отвернулась в сторону и нервно закурила.

– Так, значит, вам так и не удалось найти желающих купить ваш проект? – уточнила я. – А как же те деньги, что вы заплатили нам в самом начале?

– Это были мои деньги, мои личные, – взрыднул Артур. – Я накопил, еще дома, в Оренбурге. Собрал приличную сумму. Думал, приеду в Москву, вложу часть своих денег, а потом все окупится стократно! Кто же знал, что здесь все так дорого. У нас люди за восемь тысяч месяц на заводе пашут, а вы только за аванс тридцать тысяч запросили. А еще жить где-то надо, есть… Я этот доширак видеть уже не могу.

– Постойте, так вы совсем без денег остались? – сочувственно спросила я.

Неожиданно для себя мне стало жаль его.

Конечно, нас он, говоря по-современному, кинул, но ведь и сам попал в переплет.

– У меня пятьдесят рублей еще осталось, – гордо заявил Артур.

– А самолет? – обернулась к нему Вероника. – «Як-18», которые списывали тысячами и вы один себе приобрели?

– Честно говоря, – замялся Артур. – Нет у меня никакого самолета. Это один мой знакомый в Оренбурге, бизнесмен, самолет купил. А я рассказал про него, как про свой… ну просто – чтоб было понятней, чтоб не приплетать лишних персонажей. Мне показалось, это будет…

– Концептуально! – мрачно закончила Вероника. – Ты где ночевал-то сегодня, драматург ты наш недоделанный?

– На вокзале, – признался Артур. – У меня больше нет денег, чтобы платить за комнату…

– Ехали бы вы домой, честное слово, – предложила я. – Попробуйте продать свою идею местному оренбургскому телевидению. Может быть, там найдется инвестор. А потом уже приедете с готовым шедевром покорять Москву.

– Дело в том… – совсем смешался Артур. – Что у меня и на билет денег нет. Не ехать же мне «зайцем».

Мы переглянулись с Вероникой и обреченно вздохнули.

Через два дня мы провожали Артура на вокзале.

Билет до его родного города мы купили ему сами, на собственные деньги. Да еще и собрали в дорогу пакет сухарей и палку колбасы. В конце концов, бабья жалость все же взяла верх над справедливым негодованием. Не бросать же было этого вдохновенного мечтателя одного в Москве, беспомощного и нищего…

Поезд уже фырчал на перроне, в вагоны грузились озабоченные пассажиры. Равнодушная проводница в синем кителе торопливо просматривала билеты.

– Я даже не могу передать, как благодарен вам, – прижал руку к клетчатому пиджачишке Артур.

Отмывшись в Вероникиной ванне и поев досыта, он стал чуть меньше похож на чокнутого бродягу.

– Обещаю, как только будет возможность, вышлю вам все, что должен, почтовым переводом.

– Угу. За колбасу посчитать не забудьте, – скептически заметила Вероника.

– Не сомневайтесь. Я свои долги всегда возвращаю, – дернул тощей шеей Артур. – И я уверен: нас еще ждет плодотворное сотрудничество. У меня много идей!..

– Знаете, Артур, вы попробуйте написать о ваших приключениях в Москве, – посоветовала я. – По-моему, может получиться довольно…

– Концептуально! – снова вставила Вероника.

Объявили отправление поезда.

Артур вскочил в вагон и долго еще махал нам из тамбура кепкой.

Наконец паровоз взревел, поезд содрогнулся и пополз прочь. И вот уже он грохотал где-то вдали, а на опустевшие рельсы медленно опускалась взметенная пыль…

– «Я вам все вышлю почтовым переводом», – протянула Вероника. – А адрес твой он взял?

– Нет, – покачала я головой. – Ну что, подельница, похоже, опять мы с тобой пролетели? Эх, чувствую, посадят меня в долговую яму с моими кредитами.

– Не переживай, я буду носить тебе передачи, – поддержала меня Вероника. – Ну что, поехали, мы же сегодня еще с одним гениальным сценаристом встречаемся. Что там у него за идея?

– Там что-то из старинной жизни, – наморщив лоб, вспомнила я. – Какой-то родовой замок, долг, честь… А, помнишь, это у него в заявке была фраза: «Он стоял на скале, отягощенный достоинством, тянувшим его в могилу!»

– Точно, – кивнула Вероника. – Ну, достоинством, положим,

нас не удивишь. Надеюсь, он отягощен еще и кошельком.

Смеясь, мы двинулись к метро, пытаясь укрыться от дождя под одним на двоих зонтом.